

В. П. СТЕПАНОВ

КРИТИКА МАНЬЕРИЗМА В «ПРИМЕЧАНИЯХ К ВЕДОМОСТЯМ»

Дискуссия о литературном барокко, широко развернувшаяся в научной литературе последних лет, начиналась в 1960-е годы, и одним из первых, кто выступил с уточнением историко-литературных построений, предложенных к тому времени зарубежной славистикой, был П. Н. Берков. В частности, говоря о русской литературе, он не находил оснований для зачисления в барочные поэты ни Тредиаковского, ни Ломоносова, ни Сумарокова, в творчестве которых наиболее рельефно отразился литературный процесс первой половины XVIII в. Характеризуя литературные взгляды Ломоносова, он писал: «Как ни отличалась литературно-общественная позиция Ломоносова от позиции Сумарокова, все же оба автора могли действовать и действовали в пределах того литературного течения, которое господствовало тогда в европейских литературах, в пределах классицизма». Свой вывод П. Н. Берков аргументировал указанием на отрицательное отношение Ломоносова к итальянскому маньеризму, одному из ответвлений позднего барокко.¹ В русской печати были, однако, и более ранние выступления против барочного стиля, позволяющие считать, что взгляды Ломоносова связаны с определенной традицией.

Среди немногочисленных литературных публикаций 1730—1740-х годов имеется несколько статей, посвященных именно

¹ Анализ состояния вопроса был дан в статье П. Н. Беркова «Проблема литературного направления Ломоносова» (в кн.: XVIII век. Сб. 5. М.—Л., 1962, с. 5—32). Здесь были также приведены выдержки из его переписки с доктором Андьялом, свидетельствующие, с каким пристальным вниманием П. Н. Берков следил за изучением стиля барокко на Западе. Специально вопрос об отношении Ломоносова к итальянскому маньеризму был рассмотрен И. З. Серманом, который показал, что некоторые положения «Риторики» Ломоносова прямо нацелены против подражателей кавалера Марино (см.: Серман И. З. Ломоносов и придворные итальянские стихотворцы 1740-х годов. — В кн.: Международные связи русской литературы. М.—Л., 1963, с. 112—134; далее сокращенно — Серман).

вопросам стиля. Они появились в первом русском журнале «Примечания к Ведомостям», выходявшем с 1728 по 1742 г. при Академии наук.² Частично эти тексты также связаны с оценками итальянской литературы.

Некоторое внимание литературным либретто итальянских опер уделялось в статьях Штрубе де Пирмона и Штелипа по истории оперы и театра. Правда, излагаемые здесь точки зрения не всегда можно считать выражением критического кредо авторов, которые не скрывали, что их работы носят ознакомительный характер и в основном являются компиляцией. Например, либретто итальянцев осуждались в этих статьях прежде всего с точки зрения «вольности», противоречащих воспитательным задачам театра, и по существу это обвинение является не более как повторением довольно распространенных представлений.

Но в тех же «Примечаниях» за 1735 г. был опубликован полный перевод писем госпожи де Ламбер сыну и дочери; краткое изложение этого популярного произведения моралистической литературы XVIII в. появилось на страницах издания еще тремя годами раньше. Говоря о круге чтения благородного молодого человека и касаясь воздействия искусства на мораль, сочинительница не только повторяла устойчивое мнение о фривольности итальянских писателей: «Женские особы охотно учатся по-итальянски, однако же то мне кажется опасно, потому что он есть язык любви, и итальянские писатели не весьма основательны. В их письмах находится много *шутки в словах* (курсив наш, — В. С.), к тому же они разум и рассуждение мечтаниями заражают».³ Этот вопрос о связи «шутки в словах» с повреждением «рассуждения» специально ставится в статье «О различии между разумом и рассуждением», появившейся в номере 88 от 2 ноября 1739 г.

Вынесенные в заглавие статьи термины «разум» и «рассуждение» являются неудачным с точки зрения последующего развития русской философской терминологии переводом определений из второй книги «An Essay Concerning Human Understanding» Дж. Локка, которую автор статьи цитирует, называя книгой «О силе человеческого разума». Слово «разум» в контексте статьи

² По заданию журнал был научно-популярным, но в нем представлены и общелитературные материалы. Обзор появившихся здесь статей о театре и драматургии в свое время дал В. П. Перетц в статье «Исторический очерк русского театра» (Изв. ОРЯС, 1907, № 3, с. 181—225). О связи журнала с традицией моралистических европейских еженедельников см.: Левин Ю. Д. Английская просветительская журналистика в русской литературе XVIII века. — В кн.: Эпоха Просвещения Л., 1967, с. 17—24.

³ Цит. по отдельному изданию Письма госпожи де Ламбер к ее сыну о праведной чести и к дочери о добродетелях, приличных женскому полу. СПб., 1761, с. 106. — Оно представляет простую перепечатку старого перевода, анонимно опубликованного в «Примечаниях» за 1735 г. (ч. 64—73, 80—82, 83—84, 94—99).

употреблено как синоним «остроумия», «живости ума», а под «рассуждением» понимается «способность (правильного) суждения».⁴

Остроумие Локк рассматривал как способность ума быстро формулировать мысли и разнообразно комбинировать те из них, «в которых можно найти какое-нибудь сходство или соответствие, чтобы тем самым нарисовать в воображении привлекательные картины и приятные видения». Способность суждения является при таком истолковании антагонистом остроумия, так как правильность суждения зависит от тщательного анализа исходных идей. Чтобы не впасть в заблуждение, требуется точность определений, а вместе с тем и точность выражения. «Этот образ действия, — заключает Локк, — прямо противоположен метафорам и намекам». Более подробно он развивает эту мысль в 10-й главе третьей книги своего труда, 34 параграф которой доказывает тезис, что «образная речь есть также злоупотребление языком».

Локк ставил вопрос о специфике литературного изложения, его отличии от научной речи в тесной связи с разработкой своей гносеологической теории. Но его рассуждения оказались весьма злободневными в эпоху становления классической теории и связанных с этим стилистических споров.⁵ Рассуждение об остроумии имело живой литературный резонанс и отразилось в эстетике английских моралистов, в частности в журналах Стиля и Аддисона, через посредство которых приобрело европейскую известность.

Будучи писателями, оба автора прекрасно понимали, что «остроумие» как творческая способность является неотъемлемой составной частью литературного творчества и что художественная литература не может основываться только на здравом смысле. В центре полемики оказывается поэтому не отрицание «остроумия» в локковском понимании, а борьба с «ложным остроумием». Творческие поиски Стиля и Аддисона сводились к выработке и защите новой системы художественных средств, позволяющих построить литературу на началах логики и разума.⁶ Опровержению «ложного остроумия» Аддисон посвятил цикл

⁴ Такой перевод дается в соответствующем отрывке последнего проверенного переиздания «Опыта о человеческом разуме» (Локк Дж. Избранные философские произведения, т. I. М., 1960, с. 174).

⁵ См.: Mac Lean K. John Locke and English Literature of the Eighteenth Century. N. Y., 1962. — На роль идей Локка в формировании русского классицизма указывал Г. А. Гуковский в статье «Русская литературно-критическая мысль в 1730—1750-е годы» (в кн.: XVIII век. Сб. 5. М.—Л., 1962, с. 122).

⁶ Вопрос о сложной и продолжительной борьбе с «остроумием» и «остроумцами» в английской литературе эпохи Реставрации, а также о литературных взглядах Стиля и Аддисона подробно рассматривается в диссертации В. Д. Рака «Сатирико-правоучительные журналы Аддисона и Стиля и литературная полемика их времени» (1966). Приношу благодарность автору за разрешение воспользоваться его выводами.

из шести эссе в «Зрителе». Защищая основной тезис классической литературы — «подражать природе» и «следовательно правде», он считал главным врагом современного искусства усложненный, цветистый поэтический стиль, самоцельную, не связанную с содержанием игру словами. Статья в «Примечаниях» представляет созвучное сокращение пятого эссе Аддисона.

Автор «Примечаний» принимает данное Локком определение «остроумия» за «яснейшее истолкование, которое человек о сей материи сделать может», но так же как и английский автор, не отрицает литературные приемы в целом. Сокращая текст своего источника, он акцентирует внимание на конкретном вопросе о структуре метафоры, так как «не всякое сходство понятый в разуме состоит, но оному сходству при том такову надлежит быть, чтоб оно и в других, у которых само объявляется, не только удивление, но и удовольствие причинять могло».

Метафору от простого сравнения отличает большая сложность ассоциаций. Сравнение по сходству очевидных признаков не производит «удивления», т. е. художественного впечатления: «Ежели голос одного с голосом другого человека или белый цвет какой-нибудь вещи с белизною или белестью снега сравнить, то никто не скажет, что из сего разум человеческий виден». Усложнение ассоциаций повышает литературную ценность метафоры: «Например, ежели стихотворец скажет, что грудь любезной его так бела как снег, так во оном его сравнении нимало разума нет; а буде он станет жаловаться, что она холоднее снегу, то сие за знак его разума принять можно». Однако для автора статьи суть вопроса заключается не столько в анализе структуры метафоры, сколько в том, чтобы указать на недопустимость злоупотребления сходством, «подобием слов», игрой словами в поэтической речи. Он отмечает, что новейшие стихотворцы часто удаляются от «натурального способа думать и писать, столь высокою инвенциею (изобретением, — прим. переводчика)», которая была в высокой степени присуща древним и основывалась на глубоком раскрытии темы, «дабы мысль собственною ее силою изъяснить и украсить».

Одновременно в статье дифференцируется представление о современной литературе. Сразу же отводится возможный упрек в адрес какой-то части писателей, следующих за древними классиками, хотя и не сумевших с ними сравняться. Эти «знающие люди» восхищаются «высокою инвенциею» древних: сами же «по большей части только для того от нее удаляются, что довольно и способного к тому разума не имеют, дабы мысль собственною ее силою изъяснить и украсить». С тем большей резкостью осуществляется нападение на сторонников «пустого игrania или искусной перемены в речах». Из приведенных в статье примеров ясно, кого имеет в виду автор: «Многие в том мнении находились, что любовь одного свойства с огнем и для того оную огнем и пламенем часто называли. Сим наши стихотворцы больше

других пользовались и чрез то о показании своего разума крайнее старание прилагали. Некто из них пишет, что холодное и беспристрастное взирание на его любезную и способная к возжжению сила его уверила, что очи ее не что иное, как изо льду сделанное зажигательное стекло. Как она плакала, то стихотворец желал, дабы силою любви произведенный приятный жар слезы любезной его через реципиент (кубик, — прим. переводчица) его сердца переигнать и всеобщим лекарством сделать мог. В другом случае уподобляет он слезы ее морю, а себя такому кораблю, который посреди волн стораает». ⁷

«Беречься надобно, — замечается по этому поводу, — дабы одного знаменования словами самого сходства мыслей не презирать, и вместо удивления смеху не наделать».

Приведенные примеры были взяты Аддисоном из сочинений английского поэта-метафизика Коули. В «Примечаниях» освобожденная от конкретных указаний статья звучала как общее нападение на барочный стиль в литературе с позиций классической школы. Стиль барочных писателей — это продолжение варварства средних веков, аналог готическому стилю в архитектуре, безобразный и неизбежно уходящий в прошлое: «Что готы в архитектуре, то сии люди в Реторике и поэзии сделали <...> Но понеже таким архитекторам давно пашпорт даи, того ради с толь большею надеждою уповать можно, что скоро и с готическими скрибентами то же сделается». ⁸

Вместе с тем сделанные в русской статье сокращения свидетельствуют, что автор «Примечаний» был осторожнее в выражении своих симпатий, чем английские полемисты. Кроме цитаты из Локка, он сохраняет лишь ссылку на мнение аббата Бугура (Bouhoure), строгого пуриста в вопросах стиля, но в литературной борьбе фигуры достаточно нейтральной: «Никакая мысль изрядною быть не может, которая сама в себе неправва и с натурою вещей не сходна». Однако многочисленные обращения Аддисона к Буало и Драйдену, авторитетам новой школы, в «Примечаниях» были опущены.

⁷ «... the cold regard of his mistress's eyes, and at the same time the power of producing love in him, considers them as burning-glasses made of ice»; «... when she weeps, he wishes it were inward heat that distilled those drops from the limbec»; «... sometimes he is drowned in tears, and burnt in love, like a ship set on fire in the middle of the sea» (цит. по изд.: The British essayists, v. V. London, 1823, p. 291—292 (№ 62, Friday, May 11, 1711)). — Вопрос о том, не использована ли в «Примечаниях» какая-либо промежуточная обработка эссе Аддисона, остается открытым. Французский (Le Spectateur, ou le Socrate moderne, t. 1-er. Paris, 1722, № 49, p. 315—326) и немецкий (Der Zuschauer. Aus dem Eupländischen übersetzt. Th. 1. 2-te verb. Aufl. Leipzig, 1750, № 62, S. 299—307; 2-е издание перевода, вышедшего из круга Готшеда) переводы точно воспроизводят оригинал.

⁸ «... I look upon these writers as Goths in poetry, who like those in architecture, not being able to come up to the beautiful simplicity of the old Greeks and Romans» (The British essayists, v. V, p. 293).

С этим кратко пересказанным нами рассуждением связана также статья «О бардах или первых стихотворцах у древних немцев» и редакционные примечания, сопровождавшие текст оды неизвестного поэта, посвященной Аппе Иоанновне. Они появились в номерах 1, 2 и 7—8 «Примечаний» за январь 1740 г.

Здесь созвучные мысли высказаны в связи с историей немецкой поэзии. Давая высокую оценку зачинателю немецкого классицизма Опицу, автор исключает из числа поэтов «свору убогих стихотворцев», которые «уже так глубоко от немецкого Парнаса удалились, что ни один здравым умом и веселыми чувствами на сию гору взирающий человек об них не подумает и для того они в полном забвении погребены».⁹ Героические песни древних бардов позволяют ему заметить, что эти основоположники поэзии «не одни только простых ковачи вершей и ткатели песен, но, по-видимому, гораздо лучших и важнейших наук люди были». Поскольку в системе наук XVIII в. ведущее место занимали этика и философия, нужно считать, что здесь вновь подчеркивается высокое содержание поэзии, а серьезный и простой стиль, соответствующий этому содержанию, противопоставляется искусному версификаторству. Может показаться, что подобные общие рассуждения, повторяющиеся из эпохи в эпоху, не заслуживают особого внимания. Дело, однако, в том, что теоретическое соображение получает в журнале конкретное приращение.

Пожелавший остаться неизвестным иностранец, всего несколько месяцев находившийся в Петербурге, сообщил в журнал оду на немецком языке. Аноним для читателей, он не был таковым для издателей, ибо они дали подробную характеристику его литературных симпатий. Он — «великий ревнитель к немецкому стихотворству, а притом презиратель бедных писателей и таких рифмоторцев, которые между внутренним существом стихотворной науки, также между пустым звоном рифм и циркулем отмеренных слов, никакого различия не знают»; к тому же он единомышленник издателей, так как именно от них надеется получить «справедливейшее рассуждение <...> о достоинстве стихотворной науки». Насколько справедливо подобное предположение, показывает пояснение редакции, интересное в том отношении, что оно в какой-то мере подытоживает ее литературную позицию.

«Тонкое рассуждение и способность к изъятию изрядными словами высоких мыслей, с природным дарованием, к достойной хвале славных дел, без сомнения за нужнейшие свойства стихотворца почтены быть должны. Только при сем надобно признаться, что оных свойств в происходящем ныне на свет великом множестве стихов так мало, что сей недостаток за главнейшую к тому

⁹ В немецком оригинале: «Der Tross <...> der andern schwermet so entfernt, und so tief von dem Deutschen Parnass ab...». Русский переводчик допустил ошибку: «А Трос и другие подобные ему сочинители стихов...».

причину признавать надлежит, для чего стихотворство толь знатную часть древней своей части и достоинства потеряло. А великое число других <...> бедных стихотворцев, которые думают, что они уже великие мастера вирши писать, когда только рифму к рифме приплетут, и тем более становятся невразумительны, чем более остроумными показать себя хотят».

Литературная позиция «Примечаний» никогда специально не изучалась. Однако в ряде работ затрагивались те особенности культурной жизни 1730 х годов, которые проливают свет на полемические выступления журнала. Они объясняются литературными связями немецких членов русской Академии наук. Как известно, «Примечания» были двуязычным изданием. Номер составлялся на немецком языке, а затем переводился на русский академическими переводчиками. Первым редактором журнала был Г.-Ф. Миллер (профессор истории с 1730 г.). Впоследствии в нем участвовали Я.-Я. Штелин (профессор элоквенции и поэзии с 1737 г.), Ф.-Г. Штрубе де Пирмон (профессор права с 1738 г.), поэт Г.-Ф. Юнкер (профессор элоквенции с 1734 г.) и ряд других лиц. Среди причастных к литературе академических сотрудников стоит отметить профессора по кафедре греческих и римских древностей Г.-З. Байера и библиотекаря и библиографа И.-Ф. Бакмейстера. Упомянутые лица, представлявшие основные гуманитарные силы в Академии, были все, хотя и в разной степени, близки к новой школе немецкой поэзии, созданной Готшедом в Лейпциге. Штелин учился у Готшета в Лейпцигском университете и был с ним лично знаком. До того как Готшед занял профессорскую кафедру, в том же Лейпциге учился Миллер.¹⁰ Антимаринистами по убеждениям были Байер и Бакмейстер, на что указал Л. В. Пумпянский, характеризуя поэтов «немецкой школы разума». Анализируя взаимоотношения Тредиаковского и Юнкера, он также установил, что последний пропагандировал в России принципы этой поэтической школы, ориентировавшейся в теории и практике на французский классицизм, и что лозунги, направленные против маринизма и прециозности, повлияли на «Эпистолу от российской поэзии к Аполлину».¹¹ Содержание споров, происходивших в Германии в 1720—1730-е годы и наверняка известных в России, подробно изложено А. А. Морозовым в связи с литературными интересами молодого Ломоносова.¹² И Пумпянский и Морозов останавливаются на издании сочинений Каница, которое в 1727 г. подготовил

¹⁰ См.: Гуковский Г. А. Русская литература в немецком журнале. — В кн.: XVIII век. Сб. 4. М.—Л., 1958, с. 393—394; см. также: Lehmann U. Der Gottschedkreis und Russland. Deutsch-russische Litteraturbeziehungen im Zeitalter der Aufklärung. Berlin, 1966.

¹¹ Пумпянский Л. В. Тредиаковский и немецкая школа разума. — В кн.: Западный сборник. М.—Л., 1937, с. 159 (далее сокращенно — Пумпянский).

¹² Морозов А. А. М. В. Ломоносов. Путь к зрелости. 1711—1741. М.—Л., 1962, с. 352—377 (далее сокращенно — Морозов).

и снабдил программным предисловием его ученик и соратник Кениг. Каниц, сознательный последователь Буало, выступал против прециозности с характерными для нее перифрастическими словесными ребусами и обертоновой метафорой.¹³ Кениг в своем предисловии также осудил пухлые метафоры, ложные мысли, ребячливую игру словами и двусмысленные антитезы поэтического стиля.¹⁴ Как видим, петербургские литераторы поддерживали борьбу с барокко и маньеризмом, разгоревшуюся в Германии.

Неясно, существовал ли конкретный повод для того, чтобы затронуть барочную тему в 1739—1740 гг. Если учесть, что оригинал «Примечаний» писался на немецком языке, то фразу «сим наши стихотворцы больше других пользовались» (см. выше, с. 42—43) скорее можно отнести к немецкой поэзии, чем к кому-либо из русских поэтов этих лет. Выступление «Примечаний» никак не могло относиться к Тредиаковскому, который в это время придерживался сходных взглядов на «украшенность» стиля.¹⁵ Вряд ли оно связано с Ломоносовым, ода которого «На победу над турками и татарами и на взятие Хотина» попала в Петербург только в последних числах декабря 1739 или в первые дни 1740 г. и не сразу стала известной в литературных кругах. Тем более трудно соотнести его со стихами малоизвестных поэтов вроде Витынского и Махницкого.¹⁶

Кто были авторы рассмотренных статей? Как статья об остроумии, так и статья о бардах подписаны инициалами В.—С. Практика подписывания публикуемых материалов была введена в «Примечаниях» только с 1738 г. Они помечались двумя инициалами, из которых один принадлежал автору, а другой переводчику. В этом убеждают, например, подписи Т.—Ш. к одам Штелина, переведенным на русский язык Тредиаковским.¹⁷ Статью о бардах П. Н. Берков приписал Штелин, ссылаясь на его автобиографию.¹⁸ Что касается статьи об остроумии, то в «Материалах для истории имп. Академии наук» она вместе со статьей «О пользе театральных действий и комедий», также напечатанной за подписью

¹³ Пумпянский, с. 160—168.

¹⁴ Морозов, с. 352. — Здесь же приведены и показательные примеры образной системы такого рода: «Ревность вываривает в груди желчь как сахар» и т. п. (с. 379).

¹⁵ См.: Серман, с. 128—130.

¹⁶ См.: Куник А. Сборник материалов для истории имп. Академии наук в XVIII веке. Ч. I. СПб., 1865, с. XXVII (далее сокращенно — Куник).

¹⁷ См.: Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века, т. IV. М., 1966, с. 172.

¹⁸ Берков П. Н. История русской журналистики XVIII века. М.—Л., 1952, с. 68; Пекарский П. П. История имп. Академии наук, т. I. СПб., 1870, с. 555 (далее сокращенно — Пекарский). — Это же подтверждается «Материалами для истории имп. Академии наук» (т. VI. СПб., 1890, с. 513): «Von Herrn Stälin rühren... Abhandlunge, von welchen die erstere die Barden oder Dichter der alten Deutschen».

В.—С., атрибутируется Штрубе де Пирмону.¹⁹ В русской транскрипции подписи Штрубе и Штелина совпали. Вторая литера В., встречающаяся и в подписях под другими статьями, обозначает переводчика и, видимо, принадлежит С. С. Волчкову, работавшему с 1730 по 1764 г. при издании «Ведомостей».

Что касается автора оды 1740 г. на день восшествия на престол Анны Иоанновны и письма, помещенного перед нею, то прежде всего приходит на мысль кандидатура Юнкера, в 1737 г. уволенного из Академии, но оставшегося ее почетным иностранным членом. В 1739 г., собирая сведения об организации соляного дела в Германии, он провел четыре месяца во Фрейбурге, откуда выехал в конце ноября. С ним в Петербург были отправлены ода Ломоносова и письмо с обоснованием принципов тонического стихосложения. Скорее всего, он приехал в Петербург еще в конце 1739 г., так как в июне 1740 г., закончив свои дела, он со дня на день ожидал распоряжения Кабинета, чтобы отправиться на Украину.²⁰ Этому-то факту и противоречат слова автора оды Анне Иоанновне, что он хотел бы напечатать ее, «дабы прежде отъезду из России знак всеподданнейшего высокопочитания оставить». В связи с этим из постов, впервые выступивших на страницах «Примечаний» в 1740—1742 гг., внимание привлекает Иоганн-Людвиг Лесток, младший брат знаменитого лейб-медика и придворного интригана И.-Г. Лестока. В 1742 г. он поместил здесь за своей полной подписью оду в честь Елизаветы Петровны. Братья И.-Г. Лестока жили в Германии, однако сведений о времени приезда Людвигу в Петербург обнаружить не удалось.

В рассмотренной односторонней полемике русские литераторы прямо не участвовали. Однако в то время, когда литературные споры не стали еще привычным явлением, эта полемика должна была обратить на себя внимание молодых русских литературных сил. Разумеется, о выраженных здесь взглядах и симпатиях можно говорить лишь как о частном отражении более общих, глубинных процессов. Статьи в «Примечаниях» играли роль ориентира, побуждали обращаться к оригинальным произведениям общеевропейской критической мысли. Как раз в эти годы получали свое первоначальное литературное образование писатели поколения Сумарокова. Попытка Академии через свой печатный орган воз-

¹⁹ «Von Herrn Strube rühren drei Abhandlungen her, nämlich von Nutzen der Schauspiele zur Massigung der menschlichen Neigungen, im 83 und 86, von den stummen Schauspielen bei den Alten, im 87, und von dem Unterschiede zwischen Witz und Urteil, im 88. Stücke» (Материалы для истории имп. Академии наук, т. VI, с. 413). В немецком оригинале «Примечаний» статья об остроумии подписана S. von P., т. е. Strube von Pirmont, в то время как под статьей о бардах стоит подпись S., т. е. Stälin.

²⁰ Пекарский, т. I, с. 295—297; Куник, ч. I, с. XXXVIII; Морозов, с. 374.

действовать на формирование вкусов русских читателей вряд ли прошла для них бесследно. Профранцузские симпатии молодых дворянских литераторов ясно ощущаются в 1750-х годах. Пропаганда идей классицизма десятью годами раньше, хотя она велась немцами и в связи с немецкой литературой, подталкивала к более широкому усвоению этих идей из их первоисточника тем более, что воздействие «Примечаний» не ограничивалось непосредственно временем их издания. Сохранился ряд сведений о непрекращавшейся популярности журнала. Так, при организации «Ежемесячных сочинений» Ломоносов ставил «Примечания» в образец как полезное и приятное для публики начинание. Еще в 1750—1760-е годы любители чтения разыскивали для полного комплекта номера этого журнала, а впоследствии Академия наук сочла коммерчески возможным переиздание подборки статей из него в виде сборника.